

Грозы перед ДОМОМ Сармат

Сармат

Грозы перед домом

«Автор»

2026

Сармат

Грозы перед домом / Сармат — «Автор», 2026

В моногородке Штиут, короле металлических рам для спортивных велосипедов, одним воскресным днем срабатывают сирены. Они оповещают жителей о надвигающейся угрозе, неприятель вот-вот будет здесь. Город пустеет в считанные мгновения, однако дюжина человек остается по неизвестным им причинам. Они всецело отдаются иллюзии безопасности в ожидании эвакуации, продолжая радоваться будничным мелочам. Но вскоре пелена спадает, и оставшиеся жители встречаются с жестокой реальностью, совсем не готовые к этому. Сюжет окутан мистерией, развеять которую будет поручено маленькому человеку - штабному служащему. Переплетение шпионских манипуляций и детская наивность взрослых людей смешаются под пристальным вниманием города-призрака.

© Сармат, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сентябрь	5
16.09	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сармат

Грозы перед домом

Сентябрь

События, о которых в дальнейшем пойдет речь, начались не так давно. Мне лишь выпал случай рассказать о них, пускай и против моей воли. Записывая чужие слова, так сказать, «с пылу с жару», я иногда отвлекаюсь, в порыве эмоций озираюсь по сторонам.

Так вот о чем же, ну да, пару дней назад в дождливую сентябрьскую ночь меня вместе с колонной гуманитарной помощи доставили в окружной штаб Силы. Совсем неподалеку от части находился Штиут, снискавший славу в былые годы, этот моногородок являлся отцом всех рам для спортивных велосипедов. Ну и время раньше было. Потирая сонливо глаза, я добрел до места, к которому был прикреплен; наскоро оценил квартирку, дом которой был полностью отдан на расквартирование моей бригады, пускай и не такой уж большой.

С утра первым делом необходимо было посетить капитана, передать бумаги из штаба, а затем, изучив местность, стоило приняться за дела. Их, к сожалению, было весьма и весьма достаточно. Но, покинув дом, я устался на пустырь. Он расстелился перед зданием совсем неожиданно и даже сказать нахально. Я направился напрямик к капитану. Начиная слегка на взводе, четко повторив все холодные, железом пахнущие слова, пришедшие в порыве нарастающего гнева, я, будучи в звании штабного обер-лейтенанта, вот-вот собирался настигнуть офицера в его непосредственном «логове», однако, увы, за мой локоть что-то зацепилось или, наверное, моя фигура, движимая недовольством, раскошегаренная донельзя, переполняемая негодованием сущность, вдруг напоролась на несущественное препятствие, несущественное настолько, что рука машинально потянулась поскорее согнать, словно мошкарку в летнюю жару, это несущественное что-то, но с опаской я бросил в нерешительности взгляд. За локоть меня взял мой начальник, командир расквартированной бригады майор Саффер. Мы устали друг на друга, в непонятке, кажется, совсем позабыв о том, кто мы такие есть и что мы вообще люди военные. Опомившись, я выполнил воинское приветствие и, позабыв напрочь об отрепетированной разрушительной речи, справился о том, что ему будет угодно. Майор вкратце поведал обстановку текущих дней, избегая неприятные подробности, а также добавил, что в комнате №3, на первом этаже, вторая дверь налево, меня уже ждут. Попросил, очень даже любезно, поспешить, и скрылся из виду. Такое напряжение совсем не выбило меня из себя, к подобному в нашем деле привыкаешь. Что ж, раз меня уже ждут, значит, и правда стоит поторопиться.

Я вошел в ветхое довоенное здание, выдавшее и не те виды, свернул налево и без стука очутился в третьей комнате. Светлое, но через чур пыльное помещение, посредине которого стоял абы как простенький деревянный стол с тусклой лампой. За столом сидела девушка в штатском. Перед ней, уронив голову в руки, вся как бы съёжившись, уместилась на маленькой табуретке напротив другая девушка. Она была в форме, но петличек разглядеть не удалось. Тихонько всхлипывая, она не отвлеклась на меня, оставляя лицо в руках, лишь перестала тяжело вздыхать. Ситуация показалась мне немного сюрреалистической. Я, почему-то, почувствовал себя в своей тарелке. Персона в штатском уловила мой взгляд и как бы привлекла его, раскрывая шире светлые, но холодные, скорее даже мертвые глаза и, не скрывая внезапного удивления, слегка приподняла подбородок.

— Что вам будет угодно, господин обер-лейтенант? — Тихим, но размеренным и пронзительным, даже заметить, редким колоратурным сопрано она обратилась ко мне, давая понять, что я, словно палка в колесе, прерываю необходимую в нашем деле процедуру. Я слегка опе-

шил, удивляясь сначала необычному голосу, и только затем подобным стечениям, хотя каким, сам ещё не понял.

– Добрый день, – подыскивая слова, начал я. – Меня направил сюда майор Саффер. Сказал, что дело очень важное, и, что меня уже ждут. Моё имя Гримц. Обер-лейтенант Гримц Ховер. А вот вас я, к сожалению, пока не знаю.

Девушка в штатском не представилась, но уловила мой настрой: по её лицу пробежало смятение, которое возможно заметить на наших хитрых физиономиях, когда спрашивают о важном деле, порученном накануне, и, справляясь о результате, начальство нередко видит подобную гримасу, дающую понять, что дело совсем не выполнено, а более того, было и вовсе позабыто не более, чем через минуту. Девушка не отрывала от меня пронзительного взгляда, в котором читалось, будто что есть силы она пыталась вспомнить мое лицо, но глазами искала помощи откуда угодно. Девушка в форме же всё ещё держала лицо в руках, не произнося ни звука, не двигаясь, и вообще, кажется, застыв. И помощь снизошла. Дверь за моей спиной распахнулась, в плохо освещенное помещение шагнул другой военный. Это был капитан Родас, с уверенностью могу сказать, мой штабной товарищ. Не тот мерзавец, для которого составлялась изничтожающая речь. Вспомнив об этом, я весь как-то напрягся. Меня второй раз за утро схватили за локоть и силой, однако очень вежливо, вывели в коридор. Личности девушек так и остались тайной.

– Доброе утро, Ховер, – капитан, захлопнув за мной дверь, выпустил локоть из руки, – слегка потерялся?

Капитан Родас попытался, как я понял, выдать силой улыбку, но это мало кому удастся сделать до завтрака в нашем-то деле. Я ничего не ответил и просто пошел за ним. Передавшееся смятение перерастало в негодование, ибо я вовсе не понимал для чего меня направили в этот кабинет и по каким причинам так же неожиданно оттуда вывели. Обернувшись, меня пробрало стыдом, тем самым, каким всё твоё существо наполняется во время пьяной шалости, будучи пойманным с поличным. Но я был трезв, отчего стало ещё хуже. А от маленькой красной двойки, висевшей на двери покинутой комнаты, стало совсем тошно. Рука тут же потянулась в карман и, выудив оттуда платок, протерла лоб, обсыпанный гроздьями пота.

Мы проследовали молча до предыдущей двери, второй налево по коридору. На ней висела синяя цифра 3. Какая нелепица. Стало немного полегче, но ненадолго. Кто-то зашелся кашлем. Капитан Родас открыл дверь и учтиво рукой пригласил меня войти, а затем, пройдя внутрь и усевшись напротив стола, поинтересовался о моем здоровье. До сих пор мы не обращали внимания на фигуру, скромно расположившуюся в дальней части кабинета, стало быть, медицинского. Мы продолжали беседовать. Вскоре резко, почти одновременно, замолкли и почти также синхронно закурили. Словно старые супруги, мы наслаждались тишиной и сигаретами. Этого в нашем деле нельзя было отнять.

– Итак, Ховер, надеюсь, он рассказал тебе о мальчике? – Капитан, явно никуда не спешивший, задумывал какую-то глупость.

– Нет, не понимаю о чём ты, – я и правда не имел понятия.

– Что ж, Диньё, прошу, подойди сюда, – капитан кинул куда-то в пустоту, слегка наклонив голову.

Фигура в отдалении зашевелилась. Будто покидая туман, из всеобщего эфира показался мальчишка лет десяти, смуглый, с царапинами на лице и руках, совсем как мне показалось, не ухоженный. Но неряхой его назвать было сложно. Дорогая с виду одежда была покрыта известью и пеплом, волосы наскоро убраны назад. Глаза красноватые, опухшие посмотрели сначала на меня, потом на капитана. В них не читалось ровным счетом ничего.

– Диньё, прошу, расскажи этому человеку, кстати говоря, перед тобой обер-лейтенант Ховер, – он указал на меня рукой, – то, что ты рассказал мне вчера вечером. Только немного подробнее и не так быстро. Хорошо? Помнишь что я обещал тебе взамен?

Родас встал, оперевшись одной рукой на стол, а другой – пригласил юнца присесть. Мальчик рассеянно кивнул головой и, проявляя некое доверие или, скорее, равнодушие, опустился на стул рядом с капитаном. Я не сводил с мальчишки глаз. Капитан же, тем временем, попросил Диньё обождать с минутку, затем вывел меня в коридор и более подробно поведал уже о том, что произошло накануне с моногородком Штиут. А случилось вот что.

Государство Юмферия, что находится за морем, и с которым мы вот уже почти декаду ведем войну, должно было занять этот город ещё с неделю назад. Но этого не произошло. И вот мы здесь, стараемся выяснить почему этого так и не случилось и кто в этом виновен. Что плохого в том, что мы держим город, который вот-вот должен был перейти в руки врага, спросите вы? Ничего такого, что могло бы вызвать недовольство старшего командования, днём и ночью нависающего над нашими головами. Однако, ввиду осуществления тактических маневров, и, принимая во внимание план, которого мы, кстати говоря, до этого момента строго придерживались, что-то пошло не так. Хотя план и был продуман до мельчайших подробностей и ничто не могло его испортить, ошибка, скажем так, вовсе не фатальная, и, к тому же, легко исправимая, все-таки была допущена. Комитет направил меня сюда для расследования, поэтому я, увы, докопаюсь до правды, чего бы оно ни стоило. Кого-то уволят, а кто-то получит награду. В нашем деле всегда так бывает. Это своего рода механизм, запущенный давным-давно невесть кем, и остановить эту индустриальную машину по переработке людей человек уже, к сожалению, не в силах. Потому, опираясь на мудрость предшественников и опыт живых, я примкнул к этой машине, попросту говоря, из страха оказаться на месте Диньё. Хотя то, что этот самый Диньё мне рассказал позднее, совсем не помещалось в рамки кругозора штабного обер-лейтенанта Гримца Ховера, члена комиссии по расследованию особых случаев, такого просто никогда ещё не происходило. И вот мы здесь.

После ознакомительной беседы мальчик удобнее располагается на стуле вплотную к столу. В комнате совсем не жарко, как на улице. Сентябрьское солнце, словно пытаясь выдавить прыщ с лица, нагоняет на нас зной, давая передышку лишь ночью. Диньё заранее накормлен, одежду позднее дали привести в порядок. И вот он сидит напротив меня, уже понемногу болтая ногами и находясь в спокойном расположении духа. Я снова закурываю прямо в кабинете: человек, напоминающий врача, разрешает мне это сделать, взяв с меня обещание оставить стол после себя в чистоте и порядке. В раскрытом журнале стоит сегодняшнее число – 21-е сентября. То, о чем мне вскоре расскажет Диньё, началось пятью днями ранее, значит, я заносу в первую строку дату 16.09 и откидываюсь на спинку стула. Это займет некоторое время.

16.09

Окно у кровати приоткрыто. Через него пробивается легкий прохладный ветер, покачивая шторы. Свет потихоньку насыщается теплом и обволакивает комнату, вдыхая в неё жизнь. Комната наполняется утром. У кровати, расположенной посередине, стоят тапочки с обеих сторон. Одни из них, очевидно мужские, 43-го размера, другие же – 39-го, явно женские. И правда, с левой стороны, лениво потягиваясь, в одеяло всё глубже кутается заместитель мэра города Штиут Явис Омалу. Его почти ничего не заботит на данный момент, ведь сегодня воскресенье, а значит у администрации сегодня выходной. И, так как он и есть та самая администрация, у которой сегодня выходной, в его задачи сейчас входит лишь позавтракать плотной порцией бруске́тт с лососем и выпить две чашки крепкого черного чая, чтобы затем отправиться на задний двор своего дома и продолжить свои занятия по саду, к которым он так страстился с недавнего времени. От уже старческой зависимости ко всему чрезвычайно скучному или оттого, наверное, что должность помощника администрации ему страшно претит, хотя он никогда в этом не сознается, подобное хобби, как Явис Омалу сам считает, разгоняет в нем жизнь и выставляет его напоказ небольшому моногородку, как человека далеко не скучающего, а того и гляди вовсе разностороннего и полного загадок. К его счастью, этого никто не замечает и уж точно не считает Явиса Омалу, помощника мэра моногородка Штиут, человеком разносторонним, а тем более не скучающим. Но с другой стороны кровати уже отчетливо слышны негромкие посапывания. Это Самирдин Омалу, домохозяйка и вторая жена Явиса Омалу. Она инстинктивно дает понять проснувшемуся мужу, что механизм запущен и бруске́тты уже ровно через полчаса будут приятно исходить паром над довольной физиономией супруга с красным лицом. Ниже этажом, в прекрасном большом доме, отделанном из толстого камня цвета слоновой кости, даже и не думает просыпаться юная девушка, приемная дочь Явиса и Самирдин. В этом году она заканчивает школу, в её планах нет ни намека на разгильдяйство или послешкольное уныние и вседозволенность. Девушка строго относится к себе, едва отпуская время на отдых. Это один из таких редких моментов.

Когда внизу уже господствует суета, гремят сковородки, тарелки и прочая кухонная утварь, не шум утренних первопроходцев, но запах свежего горячего хлеба в сочетании с мягким ароматом лосося доносится до приоткрытой двери комнаты падчерицы, неслучайно оставленной в таком положении тетужкой Самирдин. Девушкой в течение момента овладевает бодрость. Одеяло летит в сторону, окна распахиваются настежь. Утро целиком заполняет дом Омалу.

– Чем ты сегодня займешься, дорогая? – спрашивает юную Зеф Тетушка Самирдин, души не чающая в своей воспитаннице, и всецело направляя на неё внимание, когда Явис Омалу, озабоченный собственной персоной, распинается вот уже какую неделю каждое утро о своем «оригинальном» хобби. Слегка растрепанная, но все равно, каким-то загадочным образом выглядящая изумительно, Зеф ускользает мимо опекунов, чтобы сварить себе порцию кофе на скорую руку и оставить вопрос витать в воздухе. Каштановые волосы мягко ложатся на бледные плечи, она заправляет локон за ухо, будто немного хмурясь. Юная Зеф попросту, пока что, не помнит какие дела ей предстоит сегодня сделать. Голова ещё не занята планами и вообще чем-либо. Воскресенье проходит как по маслу.

Поглотив завтрак, Явис Омалу удаляется в сад, чтобы провести там весь день, а возможно и остаток жизни. Тетушка Самирдин принимается за дела по дому, важно шествуя с высоко задранной головой, полной мыслей. И только прекрасная Зеф задумчиво разлеглась на кровати в несвойственной ей манере, продолжая отдыхать. Спустя мгновение она набрасывает на голову темно-зеленую панаму, вскидывает на плечо сумку и устремляется на выход.

Отличница Зеф широко раскрывает глаза и смотрит по сторонам. Повсюду лениво течет жизнь. Из соседнего дома приглушенно доносятся звуки музыки. Это семейство Фестар, по-видимому, тоже впусившие утро в дом, оповещают округу. Девушка с сумкой через плечо широко улыбается. Когда она идет по направлению к дому Фестаров, слышен негромкий щебет. Юная Зеф подпевает песне, уже отчетливо доносящейся из окна комнаты на втором этаже. Это её любимая песня. По гнезду Фестаров разносится стук. Дверь открывает полная женщина в годах, госпожа Антель Фестар. Почти сразу же за ней появляется мужчина с темными волосами, но, почему-то, седыми усами. Это глава семейства Фестаров, Арвад Фестар. Девушку пускают в дом и троика останавливается в зале. Происходит обмен любезностями и прочая утренняя соседская болтовня. Через пару мгновений на лестнице показывается смуглый мальчишка, красиво одетый он сразу производит приятное впечатление. Уже четверо мило беседуют некоторое время. Затем, попрощавшись с семейством Фестаров, юная Зеф в сопровождении друга покидает дом.

– О, Зеф, представить не могу, что ты скоро уезжаешь, – сокрушается мальчик, идя рядом с красивой девушкой.

– Ничего, Диньё, зато у тебя появится много пластинок, – она шутливо подмигивает, ощущая авторитет, – я ведь не смогу их взять с собой. В университете Арсков музыка под запретом.

– Но, Зеф, ты ведь так любишь музыку, почему ты хочешь учиться там, где она запрещена?

Юная Зеф не отвечает. В этот момент они оба входят в школу и направляются к библиотеке. Девушка, словно закрыв глаза и на ощупь следуя по коридорам, ведет рукой по стенам. Она будет скучать. «Диньё пока не понять этого», – думает про себя прекрасная Зеф, с ласковым снисхождением то и дело поглядывая на смуглого мальчишку. Толпа учеников наспех образовалась возле архива знаний. К счастью, ввиду того, что оба – и Диньё, и Зеф, – заядлые отличники, придя заранее, им удастся избежать давки в очереди, они одни из первых проходят внутрь. Девушка вываливает книги на стол перед учеником с журналом, тот всё тщательно осматривает на предмет повреждений, с осторожностью приподнимая каждый учебник, но, не обнаружив желаемого, с кислым видом вписывает учебники отличницы Зеф в журнал и ставит печать. Более не медля, дуэт прощается со школой, Зеф – навсегда, а Диньё, – к сожалению, до следующей недели. К сожалению, – потому, что мальчишке, находясь под впечатлением от своей «наставницы», не терпится скорее покинуть школу, чтобы пойти по её стопам. Пускай он и любит музыку почти так же сильно, как и прекрасная Зеф, а может даже и больше, однако, доверие его настолько велико по отношению к ней, что Диньё готов отказаться от любимых вещей, не раздумывая. Она ведь отказалась, значит и он сможет.

Зеф Омалу теперь ненадолго прощается с маленьким другом, чтобы увидеться позднее вечером в их саду, где они раскладывают карты и слушают пластинки, попивая морс. Тем временем, обводя улицу глазами, девушка замечает, что всё вокруг нисколько не трепещет перед сентябрем. Всё ещё покрыто зеленью и даже не думает пока переставать дышать жизнью, люди снуют по своим делам, кругом поют птицы, смешиваясь с дыханием моногородка – царя спортивных велосипедов, давшему отпор автомобилю. Улыбка появляется на лице юной Зеф. Она глубоко вдыхает приятный теплый воздух и делает шаг навстречу будущему.

Ближе к обеду дом Омалу снова наполняется притягательным запахом еды. Тетушка Самирдин готовит сносный суп с фрикадельками и запеканку с картофелем и грибами. Подобно негласному праздничному обеду, трапеза воодушевляет жильцов дома Омалу и приглашает к столу. Когда все животы наполняются и кружки понемногу начинают остывать, из широко открытых окон не доносится ни звука, лишь оглушающая тишина давит на стены дома цвета слоновой кости. Весь город, словно сговорившись, погружается в некую сомнамбулу. Околдованный её настроением, по мнению прекрасной Зеф, моногородок уходит ненадолго в

сладкую спячку, чтобы вечером, когда спадет солнечный жар, люди снова могли высыпать на улицу и праздновать жизнь. Девушка закрывает глаза, откидываясь на спинку стула, и подпирает голову руками. Она глубоко вдыхает ещё летний воздух и вслушивается в тишину. Здесь же юная Зеф резко открывает глаза, вспомнив внезапно что-то важное, однако моногородок в это мгновение заполняется гулом сирен. Звук, постепенно нарастая, волной проносится по округе, окатывая и отрезвляя каждого жителя от послеобеденного сна. Всё вокруг тотчас вскипает. Птицы с криком разлетаются кто куда, только бы подальше от непривычного человеческого шума, люди высыпают на улицу, высовываются из окон, стараясь понять, что происходит. Прекрасная Зеф, опомнившись, хватается за сумку через плечо и выбегает наружу.

Походя на величественную дамбу, открывающую шлюз и высвобождающую потоки воды, гул сирен хладнокровно напоминает моногородку Штиут о войне. Той, что не окончена, той, что, вообще-то, никуда и не девалась, той, что просто затерялась в новостных колонках среди статей о крупных торговых сделках, рекламе велосипедов и надуманных светских переживаниях. Той, что идёт где-то там, и никогда не придёт сюда, в сердце магната спортивных велосипедных рам. Таковыми лишь были мысли юной Зеф вот уже несколько лет. Она переживала за будущее своего дома, своих опекунов. Но то были переживания совсем иного толка. Многих молодых людей её небольшого моногородка призывали как раз в разгар военной лихорадки, когда ещё новоиспеченные воины били себя в грудь, а мудрецы в мундирах накапливали акции. Те, кому было суждено покинуть моногородок, сделали это сразу, остальные же юноши, испытывая терпение, дожидались наступления призывного возраста. Без планов на учебу и, какую-никакую, личную жизнь храбрецы тайком, бывало, ускользали в поля, в сторону линии фронта, более о себе не напоминая.

Очаровательная Зеф бежала по улице, придерживая левой рукой сумку через плечо, а правой – темно-зеленую панаму. Стараясь, наверное, ничего не упустить из виду, она совсем забыла о том, что её дядюшка, – на минуточку, помощник мэра города Штиут, – может что-то знать о происходящем. Но он не знал. Как не знал и никто другой из жителей моногородка. И только позднее, незадолго до вечера, на самопроизвольной площади города Штиут, вблизи особняка самого Дафта, где, так скажем, коренные штиутцы сплочались по всевозможным вопросам и праздникам, собралась огромная толпа. Все без исключения пришли послушать что же скажет мэр.

Когда сирены наконец стихли и все были в сборе, на крышу понемногу стали опускаться сумерки, птицы снова запели о своем, теплый осенний ветер как мог подбадривал собравшихся. Мэр, невысокий грузный человек с проседью, добрый друг дядюшки юной Зеф, владелец фермы Корнем, Истус Корнем, взошел на деревянное возвышение, чтобы все могли услышать его. Мэр прочистил горло и поднял в воздух левую руку. Призывая к тишине, он произнес следующее:

– Граждане города Штиут, также, как и вас, меня поверг в панику гул сирен. И теперь я обязан сообщить вам пренеприятнейшую новость. Находясь в своем доме позднее, я принял звонок из ближайшего к нам Штаба. Полковник Марц, мой хороший знакомый, сообщил мне, что государство Юмферия, к огромному сожалению, имеет в данный момент некоторый успех на передовой. Сокрушив последнюю линию обороны, неприятель надвигается на нас. Да, да, скоро враг будет здесь. И только потому, что нам дорога наша жизнь, жизни наших родных, нам необходимо как можно скорее покинуть общий дом. Я всецело понимаю ваше недовольство и разделяю вместе с вами горе, но сейчас не время предаваться соблазну печали и страдания, и оттого, что я желал бы видеть всех и каждого из вас в добром здравии, я призываю к порядку и немедленной эвакуации нашего города. Прошу вас оставаться людьми в это непростое для нас время.

Шепот прошелся по толпе, всё засуетилось. Мэр Истус Корнем, оставшись стоять на том же месте, в нерешительности переминался с ноги на ногу, вовсе не представляя что же ему ещё

добавить. А добавить было нечего. Он прекрасно понимал, что этот день когда-нибудь настанет, и, что ему, мэру своего моногородка, царя спортивных велосипедов, придется сообщить эту мерзкую новость, мол, друзья, к сожалению, чума войны скоро настигнет и наш чудесный уголок мира. Но война шла уже почти декаду и, к тому же, совсем в другом направлении, настолько в другом, что колонку с фронтовыми сводками вскоре попросту убрали из ежедневных газет Штиута. Воодушевленный этим, Истус Корнем жил, без иронии сказать, припеваючи на своей ферме семейства Корнем, пока одним воскресным днем не встретился лицом к лицу с жестокой реальностью. Будто хромой моряк, только что сошедший с рыболовного судна, весь в грязи, рыбьих потрохах и морской соленой воде, война бесцеремонно зашла в его дом, его непорочную обитель, нахально уселась напротив и спросила, что же Истус, добрый дядечка мэр с холёными седыми волосками, намерен делать теперь. Но никто бы не смог ответить. И правда, что же им делать теперь? Побросать дела, хозяйство, обязанности и просто покинуть город? Что за вздор! Может, всем дружно пойти спать? И это всё пройдет как плохой сон, холодный кошмар осенним утром? Но теперь, стоя перед возбужденной толпой и обводя её глазами, находясь в некой прострации, мэр Истус Корнем всматривался в каждое лицо и пытался запомнить всё-всё до мелочей. Взгляд зацепился за темно-зеленую панаму, но не спустился машинально, чтобы распознать так хорошо знакомые черты. Истус взялся было рукой прикрыть глаза, но не успел. Оттуда внезапно обильным потоком заструились слезы. Он кое-как спрыгнул с деревянного помоста и поспешил удалиться прочь. На площади началась паника.

Солнце все опускалось, когда первые автобусы и грузовики приехали издалека на место всеобщей эвакуации. Шутка ли, на весь городок насчитывалось три машины. Одна принадлежала, как ни странно, владельцу производства металлических рам для спортивных велосипедов, магнату Аину Дафту, вторая – мэру Истусу Корнему, а третья, – уже почти два года простоявшая в гараже молодого парня по имени Гард, ушедшего на фронт, считалась скорее экспонатом поверженного велосипедным спортом автопрома, нежели представляла собой хоть сколько-нибудь пригодное для передвижения транспортное средство. Таким образом, отвергнув технический прогресс, штиутцы сами заключили себя в ловушку, не вполне сознавая, что жизнь их теперь зависит от этих самых пассажирских автобусов и грузовиков, которые в свою очередь являлись теперь для всех некоторой диковинкой.

Площадь окутала неразбериха, пыль стояла столбом, тяжелый звук моторов не давал людям успокоиться. Военными, прибывшими для эвакуации мирных жителей, тут же было оговорено две вещи: сразу все не поместятся, – это первое, и второе – за остальными скоро вернутся. Затем добавили: машины конфискуют, самим за город не соваться, намечаются оборонительные работы, в противном случае нарушителей будет ждать трибунал. Информацию повторили по кругу несколько раз, чтобы услышали все наверняка, и после того, как последний житель моногородка был занесен в списки, началась погрузка.

Юная Зеф, не теряя времени, вместе с опекунами наспех паковала чемоданы. В эту ночь никто не спал. Люди битком набивались в автобусы и грузовики, а те, кому не хватало места, оставались ждать вместе с вещами прямо на площади. Так прошел и следующий день. В нервном ожидании, люди больше не могли говорить о чем-то постороннем, кроме как о войне. Она будто с новыми силами влилась в жизнь крохотного моногородка. Отовсюду доносились не то слухи, не то секретная информация, рождавшаяся прямо на площади среди людей, сидящих на чемоданах или лежащих под навесом в тени, что, мол, вот-вот и уж скоро что-то будет. Правда, что будет, пока было неясно, но что-то точно будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.